

Беневенто



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тарасов А. Н.

18+

Алексей Тарасов

Беневенто

«Автор»

2026

Тарасов А.

Беневенто / А. Тарасов — «Автор», 2026

В далекой северной стране наступил третий послереволюционный год. Семья опального ученого Артура Беневенто едва сводит концы с концами в тесной столичной квартире. Когда надежда почти угасает, глава семейства получает шанс на спасение. Знакомый из тайного кружка старой интеллигенции готов переправить его близких через границу. Остается лишь уничтожить опасные рукописи и собрать необходимые на первое время вещи. Однако в постреволюционной реальности, где предательство является нормой, цена подобного решения может оказаться слишком высокой.

© Тарасов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Тарасов

Беневенто

I

Двое поднимались по ступеням медленно. Не потому что устали, нет. Они просто не любили торопиться. На многочисленных лестницах, по которым изо дня в день приходилось ступать этим людям, всегда пахло сыростью, вчерашней едой и, что доставляло особенное удовольствие непрошеным гостям, тревогой жильцов.

Один из двух, пониже ростом, держал в руке сложенный вчетверо лист и время от времени поглядывал на него, щурясь в полутьме. Второй, широкоплечий, с тяжелыми веками и простуженным носом, шел чуть впереди, лениво цепляя пальцами перила.

— На каком, говоришь? — спросил второй.

— Третий. Седьмая квартира... — отозвался тот, что с бумагой.

— Фамилия у них... — он поднес листок ближе к глазам. — Бе... Бенэ...

— Да черт с ними, — перебил высокий. — Скажешь просто "гражданин", и дело с концом. Не на прогулку ж их зовем.

Оба ухмыльнулись, но ни в одном из лиц не было подлинного веселья. На подобной работе смех практически не звучал. Всякий раз нужно было дойти до указанной квартиры, постучать, войти, зачитать, обыскать, если потребуется, и, в конце концов, задержать. В этом году в список стало вноситься намного больше адресов, чем в минувшем. Жильцы всегда попадались разные. Одни начинали плакать с порога, другие кричали и проявляли агрессию, третьи до самого конца надеялись, будто произошла чудовищная ошибка, и ее вот-вот исправят. Однако ж каждое прибытие "Всадников Апокалипсиса" заканчивалось одинаково.

— Бенэ... венто, — продолжал пробовать первый. — Ишь ты! Не местные, видать.

— Теперь все местные, — буркнул второй. — Раз живут тут, значит местные до поры до времени.

Двое остановились на площадке третьего этажа. Лампочка под потолком тускло горела желтым и походила на больной человеческий глаз. Возле двери квартиры номер семь лежал маленький чистенький половичок, а на медной дверной ручке теплился едва заметный отблеск света. За дверью, если прислушаться, было тихо. Тишина эта казалась спокойной, домашней.

Человек с бумагой в руке кашлянул, поправил воротник шинели и снова опустил взгляд на лист.

— Артур... — в третий раз прочел он. — Артур Бе... невенто.

— Да стучи ты уже, — шмыгнул носом второй. — Хватит тренироваться!

Мужчина низкого роста поднял руку, но почему-то не постучал сразу, задержав пальцы, собранные в кулак, в нескольких сантиметрах от двери. В жизни каждого сотрудника карательных органов северной страны бывала такая секунда в момент нахождения перед чужой квартирой, когда он, инквизитор, вдруг особенно ясно понимал: по ту сторону течет совершенно другая жизнь, отличная от жизни по эту сторону.

Но секунда быстро прошла. Мужчина стукнул костяшками пальцев раз, потом еще два, уже короче, настойчивее. За дверью практически сразу послышались шаги.

II

У всех непременно должен быть дом. Не в значении крыши над головой или прописки. Дом — это место, где никто не удивляется твоему появлению, где тебя зовут по имени без раздражения и не спрашивают, имеешь ли ты право здесь находиться. У Антона такое место тоже было, только он его почти не помнил.

Не так давно наступил третий послереволюционный год в далекой северной стране, которую никто в жизни не сыщет ни на одной из существующих карт. Холодным осенним утром,

еще до появления в жизни Антона ржавой воды и казенных кроватей, грубых окриков и выволочек со стороны воспитателей, мальчик проснулся в новой квартирке зажиточной семьи Беневенто.

Временное пристанище Артура Беневенто едва ли олицетворяло его прежнюю жизнь, но падением маленькую обитель в столице назвать тоже было никак нельзя. Из добротного имения на окраине города семью адъюнкта бывшей Императорской академии наук совсем недавно выселили. Часть вещей удалось перевезти с собой, часть — продать, а оставшееся и вовсе пришлось оставить на произвол судьбы. В новом жилище было тесно, прохладно по ночам, а хорошая мебель при таких низких потолках и угрюмых тонах стен выглядела крайне нелепо. Однако Элла, верная супруга главы семейства, изо всех сил поддерживала в квартире видимость "дома" в традиционном значении этого слова.

Утро у Беневенто начиналось рано. Огонь в печи разгорался не сразу, чайник лениво кряхтел, а на стол день изо дня ложилась чистая (не новая, но тщательно выглаженная) скатерть. В приличных домах, сохранивших в себе хоть крупицу гордости, женщина всегда вставала раньше остальных. Элла, следуя этим правилам, в столь ранний час уже вовсю порхала по кухне. На ней было темное домашнее платье, простое, но опрятное, слишком хорошо сидящее на фигуре 35-летней хозяйки, чтобы не подметить его. Лицо у Эллы было спокойное, и только изредка печальная улыбка, время от времени трогавшая ее черты, выдавала, что покой этот дается женщине с трудом.

Внезапно из детской донеслись приглушенные тоненькие нотки. Молодая мать невольно вздрогнула.

— Уже проснулся? — Элла молча обратилась к себе с этим вопросом и незамедлительно направилась к сыну.

Антон стоял в кроватке, держась за деревянный бортик кулачками, и часто моргал, щурясь от яркого света. Он, еще совсем маленький, немножко пухленький, как и подобает любому здоровому ребенку его возраста, предстал перед матерью в своей любимой ночной рубашечке белого цвета. Элла с трепетом подняла его на руки и поцеловала в светлый висок. От мальчика пахло молоком и тем особым домашним покоем, который имеют многие, но который мало кто способен ценить.

— С добрым утром, ранняя пташка, — проворковала она. — Папá еще, должно быть, и не готов к твоему пробуждению.

В кухне моментально раздался бодрый мужской голос. Артур, должно быть, заслышав интонации сына, немедленно покинул свой "кабинет".

— Я уже давно готов!

Элла невольно улыбнулась. В последнее время, по утрам, муж часто пребывал в сонном состоянии, долго сидел за столом, потягивал остывающий чай и почти не разговаривал. Потому этот живой, немного мальчишеский тон сразу насторожил женщину. Насторожил значительно сильнее, чем если бы Артур встретил домочадцев привычным молчанием.

Когда хозяйка вошла в кухню с Антоном на руках, мужчина уже стоял у окна, чуть раздвинув тяжелые занавески двумя пальцами. На нем была светлая рубашка с жестким воротничком, темный жилет и домашний пиджак старого, очень хорошего покроя. Одежда эта, как и почти все в доме Беневенто, переживала времена не лучшие, но по-прежнему являлась образцом выдержки. Сам Артур принадлежал к тем людям, на которых даже нужда насаждает с опаской. Она может стеснить их, лишить средств, крова, положения, но не способна сразу отнять привычку держать спину ровно, а голову — гордо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.